

ЕГЭ в современной форме как системная ошибка

Особое мнение членов Комиссии при Президенте Российской Федерации по совершенствованию проведения единого государственного экзамена И. Мельникова, О. Смолина

Мы, нижеподписавшиеся члены Комиссии при Президенте Российской Федерации по совершенствованию проведения единого государственного экзамена, отчасти соглашаясь с выводами доклада Комиссии и полагая, что ею предложены некоторые шаги по действительному улучшению системы ЕГЭ, считаем необходимым высказать особое мнение. Главное причина состоит в следующем.

На наш взгляд, основная цель работы Комиссии изначально была поставлена неверно - как частичное улучшение существующей системы ЕГЭ, а не ее коренное реформирование. Напротив, вопрос о целесообразности и альтернативных моделях ЕГЭ в рамках Комиссии практически не рассматривался.

Однако мы полагаем существующую форму ЕГЭ крупной системной ошибкой, способной резко снизить качество образования (включая обучение и воспитание), а также конкурентоспособность отечественной образовательной системы. По нашему мнению, ЕГЭ ставит под сомнение традиционные цели отечественного образования, в том числе многостороннее развитие личности, формирование гражданина и высококвалифицированного работника, а следовательно - программы инновационного развития страны и национальную безопасность.

1. Эксперимент по отработке ЕГЭ: достижения и провалы.

Как известно, такой эксперимент проводился в России с 2001 г. Однако лишь в 2009 г. созданная при Председателе Совета Федерации С.М. Миронове Комиссия поставила своей задачей подведение его итогов. В предварительном порядке считаем возможным сделать следующие выводы.

1.1. Достижения. К достоинствам эксперимента по введению единого государственного экзамена в РФ могут быть отнесены:

- широкомасштабный характер, постепенное расширение числа участников эксперимента. В случае немедленного введения ЕГЭ последствия для российского образования оказались бы несравненно более тяжелыми;

- отработка контрольно-измерительных материалов с привлечением значительного числа образовательных и научных организаций. Однако, несмотря на весьма высокий (по отношению к зарплате в вузах и научных институтах) уровень оплаты труда в этой сфере, часть экспертов отказались от работы, считая ее последствия вредными для отечественной системы образования.

1.2. Пороки. Главный из них - стремление получить заранее заданный результат. Это проявилось в следующем:

- отсутствие чистоты эксперимента, материальная заинтересованность участников в его результатах. Регионы, давшие согласие на участие в эксперименте, получали дополнительное финансирование и оборудование, что, естественно, превращало их в сторонников ЕГЭ;

- отсутствие независимой от правительства и Минобрнауки экспертизы результатов эксперимента. Официальные совещания и конференции по подведению его итогов проводились почти исключительно с участием сторонников ЕГЭ либо лиц, по должности зависимых от Минобрнауки. При этом с 2002 г. игнорировались даже рекомендации парламентских слушаний о создании независимой комиссии для подведения итогов эксперимента.

2. Итоги эксперимента и первого года введения ЕГЭ: «за» и «против».

Инициаторы ЕГЭ обещали обществу почти исключительно положительные результаты. Однако в процессе развертывания эксперимента и особенно первого года обязательного ЕГЭ «позитив» стремительно уменьшался, а «негатив» нарастал.

2.1. Ожидаемые позитивные результаты ЕГЭ, частично получившие подтверждение. К ним можно отнести:

1) уменьшение числа экзаменов вследствие совмещения выпускных и вступительных испытаний, что привлекает многих выпускников;

2) заметное расширение академической мобильности в территориальном плане прежде всего за счет поступления в столичные учебные заведения абитуриентов из регионов страны, включая малые города и село (как правило, из семей с доходами выше средних). При этом представители научных центров в регионах (особенно сибирских) не без оснований ожидают «утечки умов» и ослабления регионального интеллектуального потенциала;

3) в отдельных случаях - уменьшение влияния «человеческого фактора», связанного с плохими личными отношениями выпускника и педагога.

2.2. Ожидаемые позитивные результаты, не получившие подтверждения. В их числе:

1) ликвидация или резкое сокращение коррупции. - Этот аргумент в пользу ЕГЭ повторяется на самом высоком уровне, причем без всяких доказательств. Ни одна из двух Комиссий не запрашивала по этому поводу ни правоохранительные органы, ни экспертное сообщество. Между тем, даже по данным экспертов-инициаторов ЕГЭ, коррупция лишь переместилась на уровень пунктов приема ЕГЭ и органов управления образованием. По оценкам родителей, цена подготовки к ЕГЭ (как минимум, в столицах) оказалась выше, чем к обычному экзамену. По данным экспертов издания «Газета.ru» (от 30 июня 2009 г.), «Единый госэкзамен в Дагестане больше чем за половину учеников сдавали опытные преподаватели». При этом «цена» за ЕГЭ, соответствующий удовлетворительной оценке, начиналась от 3 тыс. руб., а за отличный результат - от 10 до 50 тыс. руб. Непрямым доказательством высокого уровня коррупции при проведении ЕГЭ являются также результаты замеров знаний первокурсников, поступивших на его основе в передовые вузы (см. 2.4.5.);

2) сокращение перегрузок. - На деле уровень стресса при проведении ЕГЭ резко вырос, что приводит к заболеваниям, а в отдельных случаях – к суицидам;

3) приведение отечественной системы аттестации выпускников в соответствие с международными стандартами. - Напротив, результаты ЕГЭ не учитываются многими зарубежными элитными университетами, а в ряде государств тестовая форма экзаменов признана устаревшей и даже вредной системой оценки качества образования (Испания, Северная Ирландия, Уэльс и др.). В США существует мощное родительское движение, требующее, чтобы школа занималась развитием ребенка, а не «натаскиванием» на решение тестов.

2.3. Негативные результаты, подтвержденные в ходе эксперимента и введения обязательного ЕГЭ. Негативные последствия ЕГЭ отчасти прогнозировались его критиками с самого начала, а отчасти выявились в процессе эксперимента и массовой практики. Вот некоторые из них:

1) формализация процесса обучения, резко снижающая его творческую и воспитательную направленность. По мнению общественных объединений и видных педагогов, ориентированных на формирование творческих способностей, необходимость готовить школьников к ЕГЭ примитивизирует образование, заменяет развитие личности «дрессировкой». При этом даже педагоги - сторонники ЕГЭ признают, что вынуждены делить школьные занятия на два вида: обычные и специально направленные на подготовку к ЕГЭ. С другой стороны, многие сторонники ЕГЭ из высшей школы полагают, что он неприемлем для элитного образования. При этом, однако, игнорируется тот факт, что инновационную экономику и «общество знаний» невозможно создать усилиями одной лишь экономической и политической элиты;

2) депрофессионализация образовательных ориентаций абитуриентов, фактическое разрушение существовавшей прежде системы профессиональной ориентации в вузы. В 2009 г., с одной стороны, абитуриенты подавали документы на самые различные специальности - по выражению известного ректора, от археолога до гинеколога, а, с другой -

педагогические, сельскохозяйственные и многие инженерные вузы испытали значительные проблемы с набором;

3) ликвидация «права на ошибку»: при традиционной системе вероятность случайной ошибки для выпускника уменьшалась возможностью повторить попытку на вступительных экзаменах в иные учебные заведения, а также реальным представлением учителей о качестве подготовки школьников. ЕГЭ ликвидировал оба названных фактора;

4) практическая невозможность формализации материала по ряду учебных предметов и связанное с ней низкое качество измерителей. Так, гуманитарные науки заведомо предполагают наличие различных точек зрения, а ЕГЭ требует единственного ответа, что заставляет учащихся не мыслить, но заучивать. Помимо этого стремление формализовать материал по истории, литературе, обществознанию приводит к полной утрате их воспитательной функции, направленной на формирование гражданина и духовно-нравственное воспитание личности.

Напомним, согласно одному из социологических опросов, 55% российской молодежи ради успеха готовы переступить через общепризнанные моральные нормы.

2.4. ЕГЭ-2009: крушение представлений об объективности результатов.

Итоги ЕГЭ в 2009 г., когда он стал обязательным, поставили под сомнение саму возможность достижения его главной цели – объективной оценки качества подготовки выпускников, по крайней мере, по следующим причинам.

1. Сопоставление числа детей, не сдавших ЕГЭ в 2008 и 2009 гг., дает следующие результаты.

предмет	2008	2009
русский язык	11,2%	5,9%
математика	23,5%	7,1%
литература	25,3%	6,5%

Другими словами, Россия установила мировой рекорд «повышения» качества образования за один год, снизив число неуспевающих в 2-4 раза.

Однако реальные показатели качества образования здесь ни при чем.

Стремясь в условиях кризиса уменьшить маргинализацию молодежи и криминализацию общества за счет безработных, лишенных возможности продолжить образование, Рособрнадзор в 2009 г. принял правильное решение: резко снизить минимальное число баллов ЕГЭ. По окончании экзамена, т.е. «задним числом», оно было установлено на уровне:

- по русскому языку - 37;
- по физике - 32;
- по литературе - 30;
- по математике - 21;
- по иностранному языку - 20.

Если бы при стобальной шкале применялась линейная зависимость, оценке «удовлетворительно» соответствовало бы минимальное число баллов ЕГЭ не менее 41. В таком случае, установленное в 2009 г. минимальное число баллов по математике и иностранному языку соответствовало бы границе между «двойкой» и «единицей». Данные, полученные из Рособрнадзора, показывают, что оценки ниже 40 баллов получило бы следующее число выпускников (округленно):

- по математике – 40% неудовлетворительных оценок;
- по истории – 40%;
- по литературе – 23%;
- по русскому языку – 9%.

В этом случае число детей, оставшихся без документов об образовании, составило бы уже не 2,7% (менее 30 тыс.), но сотни тысяч человек.

Поскольку человеческие судьбы важнее любой статистики, решение Рособрнадзора, повторим, было правильным. Однако оно окончательно разрушило сформированный в управленческих структурах миф об объективности результатов ЕГЭ. Используя любимую сторонниками ЕГЭ аналогию с термометром, который выявляет и помогает лечить болезни (системы образования), следует заметить, что в данном случае:

- температура отдельного «пациента» признавалась нормальной или не нормальной лишь после ее измерения во всей «больнице»;
- по отдельным «диагнозам» нормой признавались показатели от 37 до 20 «градусов».

Смертность от подобной «медицины» представить себе нетрудно.

Очевидно: в данном случае не результат устанавливался на основе определенных критериев, но критерии подгонялись под результат. При всем несовершенстве прежней системы оценки качества образования, подобный субъективизм и произвол ей был неведом.

2. Руководитель Рособрнадзора Л. Глебова признала, что четверть «стобальников» получили недостоверные оценки. Однако умные фальсификаторы (каких в России немало), дабы не привлечь внимание того же Рособрнадзора, поднимали оценку не до 100, но до 90 с небольшим баллов. Поэтому есть основания предполагать, что число недостоверных оценок в интервале между 90 и 100 баллами существенно выше 25%. Но именно с такими оценками выпускники поступали в элитные вузы.

3. Результаты ЕГЭ в высокой степени недостоверны и в региональном аспекте. Например, в рейтинге субъектов РФ вызывает глубокие сомнения 11 место Москвы, выше которой оказались многие национальные республики. Специально не называя их, отметим очевидные факты:

- детям нерусских родителей в национальных республиках в среднем значительно труднее сдать русский язык;
- учителя в субъектах РФ получают заведомо более низкую зарплату, чем в Москве (а качество преподавания более или менее коррелирует с социальным статусом педагога);
- уровень доходов в столице несравнимо выше, чем в большинстве регионов, а, следовательно, московские родители имеют гораздо больше возможностей оплачивать репетиторов, курсы дополнительной подготовки и т.п. Без этого большинство детей успешно сдать ЕГЭ не в состоянии.

При заведомо худших условиях получить лучшие результаты возможно в отдельных случаях, но не в массовом порядке. Следовательно, есть серьезные основания полагать, что значительная часть менее подготовленных выпускников заняли в вузах чужие места.

Тем не менее, большинство из них получают высшее образование: не только негосударственные, но и государственные вузы в условиях подушевого финансирования держатся за каждого студента, боясь потерять деньги, следующие за ним. В ситуации, когда современные студенты не подрабатывают, как прежде, но работают и «подучиваются», качество будущих специалистов предсказать нетрудно. Любые инновационные программы без кадрового обеспечения окажутся обреченными.

Помимо этого, в 2009 году обнаружился еще один «негатив» системы ЕГЭ: стремясь обеспечить хорошие показатели школам и муниципальным районам, многие сельские педагоги и руководители образования отговаривают выпускников сдавать ЕГЭ по необязательным предметам, что явно ведет к снижению академической мобильности в социально-поселенческом аспекте. Нуждается в специальном изучении вопрос о том, какой процесс важнее для образовательного потенциала страны: расширение академической мобильности в территориальном плане или сокращение - в социально-поселенческом.

4. По сообщениям СМИ, на мехмате МГУ 60% первокурсников на контрольной, выполненной по технологии ЕГЭ, не подтвердили высоких баллов, необходимых для поступления на факультет. Аналогичным образом в Финансовой академии при Правительстве РФ подтвердили высокие баллы ЕГЭ лишь 30% первокурсников. Подобные результаты,

даже с учетом «выветривания» знаний в течение лета, заставляют задуматься об эффективности ЕГЭ вообще и о его коррупционной составляющей, в частности.

5. Серьезные эксперты (замдиректора института прикладной математики РАН Г. Малинецкий) все чаще высказывают мнение о том, что ЕГЭ вообще не пригоден для измерения необходимых выпускнику знаний и компетентностей, не говоря уже об иных личностных качествах.

Как предсказывали творчески работающие учителя и как показал диктант на первом курсе журфака МГУ, отличники ЕГЭ могут быть абсолютно безграмотными в русском языке. Так, в упомянутом диктанте из 222 первокурсников на страницу текста сделали восемь и меньше ошибок лишь 18%, остальные 82% (включая 15 «стобальников» ЕГЭ) сделали в среднем по 24-25 ошибок, включая ставшие знаменитыми «позиэнт», «врочи», «нез наю», «генирал», «алемпиада», «через-чюр», «оррестовать» и др.

Безграмотные школьники и студенты были всегда. Но безграмотные суперотличники - «инновация» ЕГЭ. При этом вчерашних детей даже нельзя винить: их такими сделала система подготовки, когда на протяжении двух последних школьных лет они практически не занимались нормальным русским языком, но механически вставляли буквы в предложенные тексты и учили наизусть предполагаемые задания части «С». Вузовским преподавателям приходится переучивать студентов заново. Россия в данном случае стремительно догоняет Америку с учетом заявления Била Гейтса о тревожном уровне функциональной грамотности в США. Согласно меткому выражению, в России также происходит «ликвидация грамотности».

Если не считать отдельных выступлений, все эти аргументы детально не обсуждались на Комиссии при Президенте РФ по совершенствованию проведения единого государственного экзамена.

3. Общественное мнение.

Социологические опросы свидетельствуют о «привыкании» к ЕГЭ значительной части педагогов и учащихся. Это вполне закономерно: учиться и учить творческому мышлению много сложнее, чем решению тестов с выбором ответов или заучиванию ответов на «творческие» задания по гуманитарным предметам.

Вместе с тем, согласно опросу Фонда Общественное Мнение от 17 июля 2008 г., число респондентов, выступающих против ЕГЭ, примерно вдвое выше числа его сторонников (36% против 18%), а по данным аналогичного опроса от 1 июля 2009 г. – 47% против 21%. Число же сторонников обязательного ЕГЭ в июле 2008 г. было примерно в пять раз ниже числа тех, кто готов согласиться с ним на добровольной основе (11% против 54%, а среди людей с высшим образованием – даже против 70%).

По данным опроса ФОМ от 1 июля 2009 г., большинство выпускников школ предпочли бы сдавать экзамены в традиционной форме, а не в форме ЕГЭ (46% против 9%). Игнорирование подобных настроений в образовательном сообществе обеспечивает министру А. Фурсенко устойчивое последнее место в рейтинге российских министров, составленном по итогам опросов населения (**опрос ВЦИОМ проведен 21-22 февраля 2009 года; "Интерфакс" 30 мая 2008 г.**)

4. Предложения.

Итоги ЕГЭ в 2009 г. и отношение к нему гражданского общества свидетельствуют о фактическом провале данного проекта. Однако, учитывая наличие его сторонников и некоторые дополнительные возможности для абитуриентов, не проживающих в столицах, наиболее правильным представляется путь компромисса.

1. На наш взгляд, подлинно единый и подлинно государственный экзамен возможен при соблюдении трех принципов:

- единство содержания образования;
- измерения, обеспечивающие сравнимость результатов;

- независимая оценка этих результатов.

Поэтому, не отказываясь от идеи такого экзамена, предлагаем рассмотреть следующие его модели:

1) экзамен в традиционной форме, принимаемый независимой от данной школы комиссией (при участии учителей других школ, преподавателей вузов и ссузов, родительской общественности, органов управления образованием из других муниципалитетов или регионов);

2) право выбора для выпускника и (или) абитуриента между технологиями ЕГЭ и традиционными технологиями выпускных и вступительных испытаний. Это не потребует дополнительных затрат, поскольку, с одной стороны, технологии ЕГЭ дороже традиционных, а с другой – в вузах все равно существуют комиссии для приема шести категорий граждан, имеющих право не сдавать ЕГЭ, - до 30% и более всех поступающих;

3) ЕГЭ плюс дополнительный экзамен в вузе по избранной специальности. В настоящее время такая возможность предусмотрена лишь по так называемым творческим специальностям, а также в отношении избранных вузов.

Каждая из этих моделей имеет преимущества перед действующей и отчасти уже реализована для отдельных вузов или отдельных категорий граждан. Считаем необходимым выбрать одну из предложенных моделей и из вспомогательной превратить ее в основную.

2. Необходимо рассмотреть целесообразность внесения следующих изменений в Федеральное законодательство:

- о возможности выдачи документов о полном среднем образовании выпускникам, получившим неудовлетворительные оценки по 1-2 предметам и их дальнейшем обучении в учреждениях СПО и НПО на базе полной средней школы. Это позволило бы покончить с «процентоманией» и сохранило бы возможность продолжения образования для всех;

- об отмене обязательного ЕГЭ при приеме в средние профессиональные учебные заведения. Это полностью соответствует ст. 43 Конституции РФ, устанавливающей в стране общедоступное и бесплатное среднее профессиональное образование;

- о праве сдавать экзамены в традиционной форме для выпускников вечерних (очно-заочных) школ, которые не намереваются в ближайшей перспективе поступать в вузы. Это сохранит контингент таких школ, что является важным фактором социальной мобильности и культурного роста для лиц с низкими доходами.

3. Следует предложить Минобрнауки внести изменения в правила приема, дающие право поступать в учреждения среднего и высшего профессионального образования без ЕГЭ на очные отделения всем гражданам, получившим среднее образование до 1 января 2009 г., т.е. до вступления в силу закона о ЕГЭ.

4. Необходимо детально проанализировать следующие возможные направления реформирования ЕГЭ без принципиального изменения существующей его модели:

- по аналогии с математикой – отказ от использования тестовых заданий (части А) в процессе ЕГЭ;

- замена существующего ЕГЭ по литературе сочинением либо творческим заданием на основе анализа предложенного текста – в целях выявления навыков письменной речи и способности к выражению собственного мнения;

- замена существующего ЕГЭ по русскому языку диктантом – в целях выявления реального уровня грамотности;

- замена существующего ЕГЭ по истории и обществознанию устным экзаменом – в целях выявления навыков устной речи, знакомства с литературой и различными точками зрения, способности аргументировать собственную позицию;

- при устной форме экзамена – сохранение независимой оценки качества знаний выпускников путем приглашения в государственные аттестационные комиссии учителей других школ, преподавателей вузов, иных представителей образовательного сообщества, журналистов.

Реализация перечисленных выше предложений практически не требует внесения изменений в Федеральные законы.

5. В связи с очевидной неудачей проекта ЕГЭ в 2009 г., признанием чего является само создание Комиссий при Президенте РФ и при Председателе Совета Федерации ФС РФ, заслуживает внимания предложение о разделении Минобрнауки на два Министерства:

- Министерство просвещения, которое должно сосредоточить в своих руках управление в широком смысле образованием детей, включая руководство индустрией образования и образовательными информационными каналами;

- Министерство профессионального образования и науки, ориентированное на подготовку кадров и инновационное развитие страны.

6. В целях реализации предложений следует продлить работу Комиссии при Президенте РФ, преобразовав ее в Комиссию по изучению результатов, последствий и альтернатив ЕГЭ.

В результате использования технологий ЕГЭ существует прямая угроза утраты передовых позиций отечественного образования, которые в свое время обеспечили стране высокий уровень интеллектуального развития. Хорошо известно: несмотря на колоссальные потери интеллигенции в результате войн и революций XX века, наша страна оставалась второй (временами первой) научной державой мира. Это достигалось, с одной стороны, благодаря эгалитарной (обеспечивающей равные возможности) системе образования, а с другой - благодаря творческой направленности педагогической науки и практики. Вряд ли можно сомневаться: в XXI веке творчество будет востребовано еще более, чем в XX-м. Это признают все серьезные исследователи. В таких условиях идти в противоположном направлении означает - ставить под сомнение все программы инновационного развития, в т.ч. «Россия-2020». ЕГЭ – это искусственный тормоз на пути развития инновационной экономики и человеческого потенциала страны.

И.И. Мельников, заместитель Председателя Государственной Думы

О.Н. Смолин, заместитель Председателя Комитета Государственной Думы по образованию, член-корреспондент РАО, Председатель общественного движения «Образование – для всех»